

Рычкова Екатерина Владимировна

ОСМЫСЛЕНИЕ ЦЕРКОВНОЙ РЕФОРМЫ XVII ВЕКА В ДУХОВНЫХ СТИХАХ ЗАУРАЛЬСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ

Предметом исследования в статье выступают духовные стихи, зафиксированные в конфессиональной среде старообрядцев Южного Зауралья. Рассматриваются общерусские и локальные сюжетные варианты стихов, объединенных тематически, – стихов "о вере". Исследуются мотивный и образный уровни обозначенной группы стихов. Анализируется отражение специфики религиозного мировоззрения староверов в произведениях художественного творчества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/5-2/48.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (23): в 2-х ч. Ч. II. С. 181-183. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 82.09

Филологические науки

Предметом исследования в статье выступают духовные стихи, зафиксированные в конфессиональной среде старообрядцев Южного Зауралья. Рассматриваются общерусские и локальные сюжетные варианты стихов, объединенных тематически, – стихов «о вере». Исследуются мотивный и образный уровни обозначенной группы стихов. Анализируется отражение специфики религиозного мировоззрения староверов в произведениях художественного творчества.

Ключевые слова и фразы: духовный стих; старообрядцы; Южное Зауралье; церковная реформа; локальные сюжеты.

Рычкова Екатерина Владимировна, к. филол. н., доцент
Курганский государственный университет
ekaterina.rychkova@yandex.ru

ОСМЫСЛЕНИЕ ЦЕРКОВНОЙ РЕФОРМЫ XVII ВЕКА В ДУХОВНЫХ СТИХАХ ЗАУРАЛЬСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ[©]

«Духовные стихи – одна из форм старинного эпического и лирического народного песенного творчества, носящая религиозный характер» [4, с. 125]. Произведения этого вербального фольклорного жанра начали складываться, как предполагают ученые, после крещения Руси и отразили желание восточных славян разобраться в сути новой религии. В современной фольклористике принято делить духовные стихи на две группы. Первая – ранние стихи, восходящие к произведениям христианской апокрифической или канонической литературы, заложившие главную мысль о нравственности и преданности вере и рассказывающие о персонажах Ветхого и Нового Заветов. Вторая – поздние, к которым относятся по преимуществу старообрядческие духовные стихи, датирующиеся XVII веком. В. П. Федорова называет стихи последней группы, хотя и условно, «стихами о вере», так как они являются поэтическим воплощением истории и учения старообрядчества [5, с. 54].

Одной из главных проблем, волнующих создателей стихов о судьбах «древнего благочестия», является осмысление церковной реформы XVII века, ее истоков и последствий. Нововведения патриарха Никона, поддерживаемые царской властью, видятся старообрядцам – авторам духовных стихов порубежной вехой в истории не только «истинных» христиан, но и всего человечества, более того – мироздания в целом.

Южное Зауралье в составе Западной Сибири было заметным старообрядческим регионом, где очень остро происходила борьба против новой веры, вплоть до самосожжения. Материалы архивов кафедры литературы Курганского государственного университета позволяют говорить о том, что среди духовных стихов, бытовавших в крае, значительное место занимали стихи о трагедии разорения старой веры. Они дают целостное представление о восприятии зауральскими старообрядцами церковной реформы середины XVII века. Примером тому могут быть стихи: «Плач Соловецких жителей», «О Никоне», «О разделении церкви при Никоне-патриархе», «Настоящее и прошлое», «К прибытию тела Гучкова». В устной традиции бытовали два варианта стиха о подвиге протопопа Аввакума («Аввакум и семья в изгнании») и стих о его ближайшей ученице боярыне Морозовой, который так и называется «Боярыня Морозова».

Отметим, что в Зауралье духовные стихи о трагедии поругания «старой» веры зафиксированы лишь у представителей поморского толка старообрядчества, попытки обнаружить их у сторонников других толков не увенчались успехом [Там же, с. 56].

Гонения, обрушенные на «истинную» веру после реформ Никона, – такова доминирующая содержательная константа стиха, открывающего сборник духовных стихов Курганской поморской общины, – «Плач пустынных жителей, соловецких иноков» [1, с. 3].

Стих имеет документальную основу. В 1667 году началось соловецкое восстание: иноки монастыря не хотели принимать новопечатных книг и стали отстаивать старую веру, что привело к осаде монастыря, длившейся семь лет. Монахи геройски защищали свою обитель, но царские войска все-таки разорили оплот старой веры; защитники монастыря были казнены или разосланы по тюрьмам:

По грехом нашим на нашу страну
Попусти Господь такову беду:
Облак темный всюду осени,
Небо и воздух мраком потемни;
Солнце в небес искры свои лучи,
И луна в ночи святость помрачи... [Там же] –

так начинается повествование о катастрофическом событии в истории «старой» веры, Руси и всего человечества создатель духовного стиха.

Сюжет о соловецком восстании бытовал в Зауралье не только в рамках жанра духовного стиха, но и в прозе. Фекла Егоровна Астафьева, 1913 г.р., жительница Юргамыша, рассказывала, как «давным-давно» в их дом зашел старичок и попросился на ночлег. Он посмотрел на иконы, определил, что здесь живут старообрядцы, и поведал о лютной смерти царя-гонителя и образовании поморского толка. По законам жанра преданий старичок изображается видевшим в какой-то земле столб, на четырех сторонах которого написано о том, что царь послал войска разорить Соловецкий монастырь. «Войска ушли, а у царя стало расти брюхо. Он послал гонщиков, чтобы не разоряли монастырь. Навстречу гонщику ехал другой гонщик с известием, что Соловецкий монастырь разорили. Они встретились, к ним подъехал третий гонщик, сообщивший, что у царя пузо лопнуло. На Соловках кто уцелел, ушел в ущелье возле моря. Они стали называться поморцами» [3, с. 45].

Если для предания важной является мысль о причастности царя к бесовскому делу и справедливом ему возмездии, то для духовного стиха концептуальной становится трактовка реформы в эсхатологическом плане:

Звезды все потемниша зрак,
И дневной свет приложися в мрак.
Тогда твари все ужаснушася,
Но и бездны все содрогнушася [1, с. 4].

Реформа репрезентируется как конец света, который является результатом действия дьявольских сил:

Кто лучи твои вскоре потемни,
Кто блистанье тако измени?
Десяторожный зверь сего погуби,
Седмглавый змей тако учении [Там же].

Крушение старой веры интерпретируется как катаклизм мироздания:

Церковь божия осквернишася,
Тайнодействия вси лишишася.
Пастыри попленилися,
Жалом новшества умертвилися [Там же].

Орудием в руках Антихриста выступает творец церковной реформы патриарх Никон. Согласно стиху «О разделении при Никоне-патриархе» [Там же, с. 14], он расколол православный мир на две части, «две жены»:

Един на звери сидящую,
А другую от зверя в пустыню бежашую.
На звери жена – еретический раздор,
А двукрылая жена – православный собор [Там же].

Защищая старую веру, автор сочинения прибегает к устоявшейся в книжной традиции символике: церковь – жена божья. Антитезой в стихе подчеркивается мысль о греховной сути церкви при Никоне, которая «гордостью и блудом возвышается», а гонимая «жена» «благоразумием украшается».

Развивая образ «зверевой жены», создатель стиха далее конкретизирует обличье самого «зверя». «Зверем» назван Петр I, а его указы – «зверевыми»:

Зверевы указы паче Евангелия облобызали,
По малу начали в мире проживати,
И свое благочестие забывати.
Дома и фабрики созидали,
А христиан, яко разбойников, суду предавали [Там же, с. 15]...

Не приняли старообрядцы, в том числе и зауральские, Петра I. Это объясняется тем, что великий царь-реформатор хотя и провозгласил принципы веротерпимости в России, но только не в отношении старообрядчества, которое не имело свободы в родном отечестве при его правлении. Хотя «указом Петра I от 18 февраля 1716 года раскольникам было разрешено открыто жить в селениях и городах, под условием платежа двойного налога, но пропаганда их учения наказывалась смертью или ссылкой на каторгу. Раскольничьих монахов и монахинь рассылали по монастырям под строгий надзор, а иногда присуждали к горным работам. Укрывательство раскольников влекло за собой тяжкие наказания как противодействие власти» [6, с. 235]. Несмотря на столь жесткие санкции, хранители старой веры, «люди избранные», держались стойко, были «в вере и житии постоянны» [Там же].

Изображение реформы Никона как дьявольской инициативы характерно и для других стихов, бытующих среди зауральских двоедан. В рукописных сборниках и в устной традиции Шатровского района Курганской области популярным был стих «О Никоне» [2, с. 15]. Старообрядцы видели и роль светской власти в проведении реформы, поэтому в стихе наряду с именем Никона названо имя его защитника и сподвижника Алексея Михайловича, при котором начинается реформа:

Наш тишайший Алексей
Не знал дьявольских затей.

Царь принял нашептывание Никона:
Надо книги бы исправить,
Службу чинную поставить [Там же].

Не вникая в дело, царь повелел:

От меня тебе свобода,
Исправь книги для народа [Там же].

Автор стиха рассматривает реформу как нарушение исконной традиции: «Старую веру отмени и ложной назови» [Там же].

Таким образом, старообрядческие сочинения утверждают идею необходимости хранить устои, помнить свои корни, как свято чтит их герой стиха «Воспоминание о киновархе выгорецкого общежителства, Андрее Денисиеве» [1, с. 23].

Андрей Денисов был одним из крупнейших идеологов старообрядчества и ревностнейших его защитников. Выходец из знатного княжеского рода, семнадцатилетним юношей он тайно покинул дом, отправившись на Выг – центр «старой» веры. Там герой организовал старообрядческую общину, впоследствии став ее киновархом. Духовный стих увековечил имя выговского киноварха, поскольку для староверов его жизнедеятельность – образец преданности древним устоям. Всю свою жизнь Денисов посвящает «истинной» вере, «христолюбцы сонмы вода, в пустыни населяя, в древней вере наставляя» [Там же].

История жестких гонений на старую веру поэтически осмысливается в стихе «Настоящее и прошлое» [Там же, с. 35], завершающем рукописный сборник Курганской поморской общины:

Лилася кровь... Бряцали цепи...
Борцы идей свободно шли
На казни, пытки, в тундры, степи,
Свободной вере мысль несли [Там же].

После указания названия стиха в сборнике имеется авторская помета о датировке его создания. Сочинение написано к апрельской годовщине 1905 года, когда государственным указом старообрядцам разрешалось сооружение и ремонт молитвенных домов. После долгих репрессий расцвела на короткое время старая вера:

Воскресли бурные порывы:
С души и тела спала сталь,
Несутся смелые мотивы,
Минувших дней ничуть не жаль [Там же].

Но автор сочинения здесь же подчеркивает: «Теперь хотя оковы пали, но слезы все блестят в глазах» [Там же]. Стих написан в память о тех, кто отстаивал старую веру «в мученьях, страхе перед дыбой», но отстаивал не напрасно.

Протест старообрядцев против никонианской церкви, прежде всего, был защитой своей веры и своих обычаев. Стойкое желание, отстоять собственную конфессиональную идентичность, проявлялось в том числе и в поэтическом слове хранителей «древлего благочестия», которое вдохновлялось страницами прошлого и воссоздавало их. Духовные стихи зауральских староверов о трагедии разорения «истинной» веры отразили внимательное отношение народа к своей истории. Они дают ключ к пониманию специфики религиозного самосознания старообрядцев и проясняют некоторые непростые моменты их драматической истории.

Список литературы

1. Архив кафедры литературы Курганского государственного университета. Коллекция «Духовные стихи – 1». 56 с.
2. Архив кафедры литературы Курганского государственного университета. Коллекция «Духовные стихи – 2». 68 с.
3. Архив кафедры литературы Курганского государственного университета. Коллекция «Ильино – 1991». 165 с.
4. Краткая литературная энциклопедия: в 8 т. М., 1964. Т. 2. 245 с.
5. Федорова В. П. Свадьба в системе календарных и семейных обычаев старообрядцев Южного Зауралья. Курган, 1997. 283 с.
6. Христианство: энциклопедический словарь: в 3 т. М., 1995. Т. 2. 453 с.

UNDERSTANDING OF CHURCH REFORM OF THE XVIITH CENTURY IN TRANS-URALIAN OLD BELIEVERS' SPIRITUAL VERSES

Rychkova Ekaterina Vladimirovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Kurgan State University
ekaterina.rychckova@yandex.ru

The author studies the spiritual verses, recorded in the confessional environment of Southern Trans-Ural old believers, considers general Russian and local plot variants of verses, united thematically – verses about “faith”, studies the motivic and figurative levels of this group of verses, and analyzes the representation of old believers’ religious worldview specificity in the works of art.

Key words and phrases: spiritual verse; old believers; Southern Trans-Ural; church reform; local plots.